

Письма и записки читателей на русском языке в архиве Бориса Пастернака

Борис Пастернак на протяжении всей жизни бережно хранил письма и записки читателей. При этом он достаточно равнодушно относился к судьбе собственных черновиков. Сейчас архив писателя рассеян по многим государственным архивам и частным собраниям в России и за рубежом. Наибольшая подборка читательским писем хранится в РГАЛИ, также они собраны в Стэнфорде, США и в Тбилиси. Сегодняшний доклад основан на материалах РГАЛИ, так как документы из американского и грузинского архивов не оцифрованы и пока мне не доступны.

Изучение писательско-читательских документов довольно значимая и в должной мере не осмысленная в современном пастернаковедении тема. К ней обращались только один раз. Сотрудница РГАЛИ Мария Рашковская в статье «“По кошачьим следам и по лисьим...”». Письма читателей о романе “Доктор Живаго”» поднимает проблематику возвращения читательских писем в историю литературы и публикует несколько писем зарубежных и советских читателей из фондов РГАЛИ.

На данное исследование меня вдохновила конференция ИМЛИ «Читатель в русском литературном процессе XX века К 90-летию выхода книги Топорова “Крестьяне о писателях”». А одним из образцов изучения темы стал масштабный труд ИМЛИ по публикации писем читателей Шолохову.

Рассмотрение читательской почты в архиве Пастернака целесообразно проводить по историческим периодам. И первый период, от которого до нас дошли читательские послания – это конец двадцатых - первая половина тридцатых годов. Речь идет о **записках слушателей творческих вечеров поэта**. Архивная датировка материалов приводит крайние даты 1928–1934 гг.

В РГАЛИ сохранились 34 записки слушателей. По содержанию они делятся на следующие группы:

- пожелания услышать определенные стихотворения,
- вопросы биографического характера,
- вопросы о поэтике произведений Пастернака,
- развернутые впечатления о лирике поэта как хвалебные, так и критические.

Большинство записок анонимны, некоторые из них подписаны инициалами, подписями с указаниями фамилий и рода занятий (студент, работник типографии «Правда»), один гость назвал себя начинающим поэтом.

Чаще всего слушатели просили прочесть стихотворение «Сестра моя – жизнь». Интересна форма обращений к поэту в записках с вежливыми просьбами услышать любимые стихотворения: «Непременно прочтите: “Стихи мои, бегом, бегом” и “Смерть поэта”. И не стесняйтесь так уж слишком. Право, не стоит». По количественным подсчетам упоминаний, сборники «Сестра моя – жизнь» и «Второе рождение» вызывали равный интерес у читателей.

Гостям вечеров были любопытны творческие искания поэта и они спрашивали: «Почему Вы переделали “Вторую балладу”, первая редакция ужасно хороша». Заголовочные комплексы книг также вызывали вопросы: «Почему “Сестра моя жизнь” посвящена Лермонтову?».

Публику литературных вечеров интересовала биография писателя и к нему приходили записки с конкретными вопросами: «Какого происхождения Борис Пастернак? Его социальная среда и краткая биография?».

Многие отклики поднимали проблему социального заказа, в её понимании массовым читателем. К примеру, записка с подписью «начин<ающий> поэт»: «Когда же гр<ажданин> Пастернак, Вы вырветесь из своей пресловутой камерной тематики и перейдете к более нужным стихам?».

Один вопрос был адресован Корнелию Зелинскому, председателю вечера:

«Почему т<оварищ> Пастернак так далек от трудовой тематики? Ведь будущее – рабочего класса и можно рисковать попасть между строк истории».

Лирика поэта, не рассчитанная на массового советского читателя, находила отклик в душе молодого поколения. Показательна записка от двух комсомольцев: «Очень обидно, когда говорят, что Пастернак для “избранной верхушки”. Мы, комсомольцы, очень любим п<исате>ля и с большой радостью читаем его стихи».

Не все записки были серьезны, некоторые поклонники присылали шуточные отклики о восприятии лирики публикой. Здесь стоит обратить внимание на форму послания:

Милый
Пастернак,
Нельзя же тихо
 так –
у нас вверху
 опять
начали спать.

Таким образом, подчеркнем, что участники первой пятилетки требовали от литературы отражения жизни рабочего класса. И поэтому Пастернака чаще всего упрекали в игнорировании трудовой тематики. Ценители прекрасного, наоборот, любили поэта за необычайную оригинальность, остроту восприятия, искренность, простоту и силу образа.

Следующим периодом, который оставил читательскую корреспонденцию стало **время Великой Отечественной войны**. Конечно, Пастернак не был в пантеоне советских авторов, к которым потоком шли письма бойцов. Нам известно два эпистолярных диалога писателя с красноармейцами и одна переписка с труженицей тыла. Преданные поклонники рассказывали поэту, что его стихи помогают переносить тяготы военного времени в блокадном Ленинграде, в госпиталях и на фронте. Сам Пастернак говорил, что его перевод «Гамлета» «провел неслыханную,

ошеломляющую зиму на фронте и в лазаретах, у постелей умирающих и в обстоятельствах вынужденных переселений».

Также поэт хранил эго-документы гвардии капитана Петра Васильева, погибшего в 1944 г. После окончания войны его вдова перепечатала все письма от мужа к ней, озаглавив машинопись «Письма жене с фронта» и передала её Пастернаку. На 180 листах машинописной тетради насчитывается больше 50 упоминаний о творчестве и фигуре поэта. Во второй половине 1950-х годов писатель, намечая план работы над эпилогом «Доктора Живаго» про войну с фашизмом, среди прочих своих творческих материалов отметил для себя «Письма Васильева к жене».

Наибольшее количество читательских материалов в фонде Пастернака приходится на 1957-1960 годы. Писатель говорил, что **после публикации «Доктора Живаго» в 1957 г.** «на него нахлынул поток писем со всех концов света». А присуждение Нобелевской премии в 1958 г. вызвало бездну писем со всего мира. В РГАЛИ хранятся 6 папок с откликами на разных языках: русском, английском, французском, немецком, итальянском, шведском и других.

К сожалению, исследователи никогда не смогут полностью восстановить диалог писателя и читателей, потому что многие письма с обеих сторон тщательно проверялись и зачастую пропадали. В среднем, опальному поэту приходило от 15 до 40 конвертов ежедневно. У него уходило по несколько часов в день, чтобы ответить на самые значимые письма, но на все послания он откликнуться не мог. По приблизительным подсчетам, писателю пришлось не менее 26 тысяч писем, из которых осело в РГАЛИ чуть более одного процента.

Подавляющее большинство корреспонденции (232 письма) написано на иностранных языках. Откликов на русском языке до нас дошло всего лишь 12. Эмигранты из России и иностранцы, изучающие русский язык, писали из

США, Канады, Франции, Западной Германии, Бельгии и Израиля. Авторами писем стали: студент-славист; двадцатилетняя парижанка, изучающая русский язык; рабочий на заводе; инженер; община Российских эмигрантов и другие адресанты, чье социальное положение установить не удалось.

Приведем классификацию русскоязычных посланий:

- эмоциональные отклики на роман. Например: «Ваша книга – так чиста, так строга и мучительна... Во мне тоже была революция в процессе чтения вашей книги, потому что она нам дает чувство жизни».
- вопросы о романе. Так, студент-славист привел свои рассуждения о фамилии Живаго и спросил об её этимологии. Эти рассуждения, далекие от сущности, вызвали раздражения у автора и на конверте он написал: «Дурак».
- самостоятельное поэтическое творчество читателей. При этом известно, что Пастернак не любил, когда ему присылали свои стихи,
- обращения к Пастернаку-переводчику, опять же с просьбой оценить свои переводы,
- коллекционерский интерес к автографам нобелевского лауреата,
- письма, в которых о творчестве писателя не говорится, а адресанты рассказывают о своей жизни.

Отдельной группой читательских писем стоят предсмертные письма читателей. Они хранятся в Тбилиси. К зрелому писателю в пятидесятых годах приходили письма людей, предчувствующих скорый уход из жизни. Один рабочий с завода говорил поэту: «Ваше творчество и Ваша личность оставили настолько сильное, поистине неизгладимое впечатление, что я не могу не обратиться к Вам в мой последний предсмертный час... Люди в последние минуты своей жизни всегда обращаются к кому-то большому и священному для них: кто к Богу, кто к герою... Я же обращаюсь к своему любимому поэту».

Поэт плакал, читая подобные письма, и будучи глубоко верующим человеком, в ответ говорил: «Кто не уходит из нас? Что мы об этом знаем?... Не надо бояться. И каждый час жизни есть жизнь. И с самого начала, задолго до конца, церковь ежедневно молится: христианские кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны и мирны... Да будет так».

Подытоживая доклад, отметим, что попытка восстановить диалог писателя с его читателями позволяет проследить рецепцию современниками творчества Пастернака и внести вклад в изучение феномена читателя в русской литературе XX века.